

**СЕРГЕЙ
ВОЛКОВ**

ПАСЫНОК
СУДЬБЫ.
РАСПЛАТА

Сергей Воронцов

Сергей Волков

Пасынок судьбы. Расплата

«Автор»

Волков С. Ю.

Пасынок судьбы. Расплата / С. Ю. Волков — «Автор»,
— (Сергей Воронцов)

ISBN 978-5-22-404957-8

Сергею Воронцову предстоит столкнуться с настоящей мафией, состоящей из археологов-интеллектуалов, убивающих с особой, вычурной жестокостью... Его ждут катакомбы подземной Москвы и банда бродяг на заброшенном пустыре, взрыв гранаты в глухих смоленских лесах и схватка с коварным убийцей на заснеженном берегу далекой сибирской реки... А за всем этим стоит таинственный артефакт, созданный в глубокой древности арийскими жрецами. Он приносит беды и несчастья в судьбу каждого, кто оказывается с ним рядом, и только сильный духом человек сможет противостоять древнему злу...

ISBN 978-5-22-404957-8

© Волков С. Ю.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Волков

Пасынок судьбы. Расплата

*Светлой памяти
Анатолия Васильевича Волкова
посвящается...*

Пролог

Спать в электричке – это к последователям Мазоха. Я в том смысле, что неудобно, жестко, холодно и трясет. Плюс амбре, исходящее от коллег по вагону. Плюс гомон, опять же исходящий от них. Плюс вопли продавцов всякой лабуды (вот интересно, их на работу исключительно по степени противности голоса отбирают?). Но усталость пересилила все, и едва мы отъехали от Вязьмы, как я провалился в сон, как в бездонную яму...

Так бывает, когда сильно устанешь – ты вроде бы спишь, но разум, по инерции переживающий пережитое, не отдыхает, вновь и вновь заставляя тебя даже во сне возвращаться к тому, что тебя тревожит. Вот и со мной случилось такое – я оказался пленником собственного сна.

Темнота... Чернильный мрак, заполнивший собой все вокруг... На какой-то миг мне стало страшно – а вдруг все, я умер, меня нет, и никогда уже не будет, будет только вот это ватное непроглядное небытие?!

И тут же тишина взорвалась разноголосицей, а из тьмы возникло множество лиц, образов, картинок, увиденных мною за последние, пожалуй что самые жуткие в жизни, дни.

Все это замелькало перед моим внутренним взором в пугающем калейдоскопе, постепенно складываясь в некий до дрожи документальный фильм...

Вот стоит на пороге моей холостяцкой квартиры друг детства Николенька – веселая улыбка на загорелом после экспедиции лице, знакомый со школы, заикающийся тенорок: «Открывай, з-засоня! Ес-сть п-полпинты ш-шнапса и тушенка!!»

И тот же голос спустя пару дней, в телефонной трубке: «С-старик! П-привет, это я! Я тут подзадержался, из-звени. Я скоро буду... А если... Вещички мои прибереги. Пока! Д-до встречи...»

И, наконец, еще через день – умирающий Николенька на больничной койке, слова срываюся с губ с трудом: «Стой, С-степаныч! Успеешь! С-слушай дальше. С-самое главное. Арий – это... Н-нет, н-не надо т-тебе... Коробку эту... ты ее выкинь. В лесу з-закопай или в р-реке утопи, д-дома не храни. И з-запомни хорошо: не открывай! Ни в коем случае! П-пока ты ее не от-ткрыл, т-тебе ничего н-не угрожает! Откроешь – умрешь! И еще в-вот что: п-пакетом, т-тем, ч-что я н-ночью принес, и остальными шмотками рас-спряжайся к-как хочешь – эт-то п-подарок... М-маме с-скажи... С-скажи, что я п-прошу прощения з-за все... Все, Степаныч, п-прощай! Н-ни поминай л-лихом...»

Его ударили в плечо отравленным трезубцем. Тот, кто это сделал, хотел завладеть находками искателей, людей из группы «Поиск», в которую входил и Николенька.

Что-то у них там не заладилось во время последней экспедиции. Обрушился край раскопа, руководителя группы Дениса Ивановича, которого Николенька почтительно именовал Профессором, завалило едва не насмерть. Тогда всем казалось, что это лишь случайность.

Вместе с Борисом, коллегой Николеньки по «Поиску», мы все же рискнули нарушить волю моего умершего друга.

Я, словно наяву, услышал голос Бориса: «Не знаю... Мы, искатели, часто сталкиваемся с вещами, не укладывающимися в понятие нормы. Иногда вообще мистика какая-то бывает,

иногда все объясняется достаточно просто... В любом случае мне надо посмотреть на эту коробку. Да, я понимаю, что Николенька предупреждал вас, но он тогда был в таком состоянии... Я, по крайней мере, специалист, вдруг там что-то действительно опасное, радиоактивное или ядовитое? Я возьму оборудование, кое-какие приборы...»

Древний амулет арийского жреца... Жуткий каменный глаз, выискивающий свои жертвы... Вновь голос Бориса: «Когда ЭТА штука на меня уставилась, меня как током дернуло! И взгляд такой, мерзкий и свирепый одновременно... Понятия не имею, что ЭТО может быть. Мечта любого археолога – отыскать вещественные доказательства пребывания у нас братьев по разуму. Я, когда ОНО словно бы ожило, решил – вот она, удача! Но когда ОНО стало смотреть... Бр-р-р! Прямо в душу заглянуло... И я почувствовал, что это что-то наше, земное... и очень злое! В общем, я ничего путного сказать сейчас не смогу, мне надо посоветоваться с нашими».

Потом было знакомство с Паганелем, высоким, худым чудаком-археологом, на деле оказавшимся суровым прагматиком, отважным и даже свирепым бойцом...

Хрипловатый голос Паганеля: «Погиб наш друг и коллега, Николенька... Светлая ему память... Денис Иванович в коме, я очень волнуюсь за него – все же шестьдесят лет не сорок, здоровье уже не то. Будем надеется, он выкарабкается. Связующем звеном в этой трагической цепочке является тот самый амулет, который вы, Борис, так неосмотрительно извлекли из бокса. Мы с вами взрослые образованные люди, в чертовщину не верим, и правильно делаем. Но существует множество вещей, мягко говоря, не укладывающихся в рамки классической науки».

И еще, слова, от которых сжалось сердце: «Николенька, хотя и без диплома, был, пожалуй самым одаренным из нас искателем. Даже Профессор, Денис Иванович, не обладал такой интуицией и чувством... м-м-м... историчности, что ли, как ваш друг, Сергей. А уж Денис Иванович еще в конце семидесятых считался крупнейшим археологом в стране. Н-да, какая нелепая смерть! Милиция, конечно же, убийцу не найдет – слишком мало улик. Дело закроют, и оно уйдет в архив...»

Дальше, дальше, дальше... Мелькают картинки, память тасует пережитое, словно картежник колоду.

Амулет похищен. Белое от ужаса лицо Бориса, его отчаянный крик: «Хана! Она меня... укусила!» Мерзкое, извивающееся тело змеи, невесть откуда оказавшейся на моей кухне, слова Паганеля: «От яда гадюки не умирают, но это явно предупреждение нам».

Из серой пелены неведения выплывает и обретает плоть реальный человек, убивший Николеньку и угрожающий теперь всем – Петр Судаков, «мистер Рыба»...

Мы, три ангела мщения, идем по следу Судакова. Подземелья Москвы, едва не ставшие для нас огромным склепом, заросший ивами пустырь у реки Сетунь, банда бродяг, чудом не забивших нас до смерти, и над всем этим – затканый осенним дождем силуэт «мистера Рыбы», наблюдавшего за нами в бинокль с придорожной насыпи...

Наконец, в дело вмешался учитель Судакова, профессор Леднев. Уютный, седобородый толстяк, словно шагнувший в наше время со страниц Конан-Дойля. «А потом я спрошу у него, куда этот проходимец дел фамильные реликвии Чингизидов из институтской коллекции! Дальше делайте с ним что хотите!», – он пытался сурово хмурить брови, но в глазах читалась досада и неверие: как же так, самый лучший, самый способный на курсе – и вдруг убийца и вор?!

Ученик доказал учителю, что тот не верил зря... Леднева «мистер Рыба» убил в традиции все того же Конан-Дойля. Узкий клинок, вынырнувший из пижонской тросточки и вонзившийся в горло старика-профессора, Паганель, рыдающий на телем друга – это трудно забыть.

Потом был майор Слепцов из ФСБ, суровое предостережение всем нам – не лезть больше в это дело...

Память услужливо подсовывала новые картинки: дикая пьянка у меня дома, жирная бабища в неглиже на кровати рядом со мной, чугунная тяжесть похмелья – и неожиданный звонок свояка Виталика: «Значит так! Повторяю свои вчерашние слова: я договорился с шефом, в четверг тебе надо будет приехать к нам в главный офис, на собеседование, в десять тридцать. Вот адрес. Постарайся выглядеть солидно, захвати всякие бумажки – диплом там, грамоты какие-нибудь спортивные... Если понравишься, считай, тебя взяли. Сначала будешь работать на автостоянке, типа испытательного срока, сутки через двое, триста баксов в месяц. Устраивает?»

Надежда на новую жизнь из призрачной стала реальной. Ужасные события, связанные с амULEТОМ, смертями Николеньки и Леднева, отошли на второй план.

Даже бывшая моя супруга, Катя, вдруг сменила гнев на милость, и вместо любимых реплик типа: «Воронцов, ты гнусен», впервые за поледнее время поговорила со мной по-человечески, будто и не было скандального развода вкупе с торжествующей тещей...

Но тут появился хмурый решительный Борис с гранатой в кармане, и я совершенно неожиданно для себя самого отправился с ним в вяземскую тьмутаракань ловить и карать Судакова.

Смоленщина, глубинка, неизбывная печаль... Настоящей жар-птицей показалась нам художница Лена, что предоставила двум искателям приключений кров и стол. Есть, черт возьми, женщины в русских селеньях, есть! Впрочем, Борис оценил это гораздо лучше меня...

«Мистер Рыба» оправдал свое прозвище, оказавшись скользким, словно угорь. Он вновь ушел, а мы едва не погибли. Рванувшая посреди леса граната как будто поставила точку в этой истории. Впрочем, даже во сне мне казалось, что точка эта в любой момент могла превратиться в многоточие...

Всплыла в памяти неожиданная мысль, пришедшая в голову, когда мы с Борисом возвращались из Корьёво в Вязьму: «Не было счастья, да несчастье помогло! Упустили Судакова, зато что-то родилось между Борисом и Леной...»

Ретроспектива прожитого неожиданно закончилась. Я внутренне сжался, уже понимая, какой сон увижу сейчас...

Заклубились косматые тучи, грянул гром, и огромное огненное колесо небесной кузницы Сварги заполнило все мое сознание. Грохотал молот, летели искры, полыхал исполинский горн. Рыжебородый кузнец хохотал, и я от каждого удара молота во мне все переворачивалась, ибо на наковальне лежала не просто рдеющая поковка, а моя... Моя собственная судьба!

(Более подробно об этих и других событиях читайте в романе «Пасынок судьбы. Искатели»)

Глава первая

*«Все, что само собой исчезает,
может само собой появиться снова...»*

Безвестный программист

Приехав домой с Белорусского вокзала, я первым делом позвонил Виталику, узнать, все ли в порядке, не передумал ли его шеф брать меня на работу. Бывший родственник уверил меня, что все «в ажуре», мы договорились созвониться после собеседования, и я, полный радужных надежд, занялся, как говорят в армии, «подготовкой к завтрашнему дню».

Настроение у меня было удивительно хорошим. Казалось бы, наша деревенская миссия окончилась провалом, но чувство какой-то внутренней радости, душевного света жило во мне, видимо, потому, что на встречу с Судаковым я не рассчитывал с самого начала, а свежий воздух российских просторов повымел из меня московскую хандру, скуку и лень... Так или иначе, но в четверг утром я проснулся бодрым и полным энергии.

* * *

В офисе Виталиковой фирмы меня ждали. Вежливая плосколицая секретарша уточнила фамилию и пригласила пройти в кабинет к инспектору по кадрам – на собеседование.

Инспектор по кадрам, немолодой лысоватый мужчина, подтянутый, аккуратный, явно бывший военный, усадил меня в кресло, сел напротив, пододвинул к себе ежедневник:

– Воронцов Сергей Степанович? Очень приятно! Мы с вами тезки, только я Константинович. Сергей Константинович Новиков. Сначала я расскажу вам кое-что о нашей фирме, а потом, если вы не возражаете, вы ответите на кое-какие наши вопросы в письменной форме и пройдете к Руслану Кимовичу, главе фирмы, на собеседование.

Я не возражал, и Сергей Константинович неторопливо начал:

– Охранная фирма «Залп» существует уже пять лет. Мы занимаемся охраной офисов, зданий, банков, автостоянок, личных вещей граждан, самих граждан, сопровождением грузов на автотранспорте, на железной дороге, в самолетах и на судах. Работает у нас на сегодняшний день, не считая управленческого персонала, порядка трехсот охранников. Система ступенчатая: просто охранник, старший охранник, начальник отряда, телохранитель, и, наконец – начальник службы. Система в «Залпе» полувоенная, но не пугайтесь, никаких тревог, строевых подготовок и тому подобных проявлений армейского устава у нас нет. Есть огневая, физическая и психологическая подготовка. Работа – сутки через двое. Каждый охранник получает бесплатно форменную одежду, дубинку, наручники, газовый пистолет. Старшие охранники – помповое ружье, боевой пистолет или револьвер. Лицензию на право ношение оформляет фирма.

Что мы требуем от желающих поступить к нам на работу? Прежде всего – Московскую прописку и чистую анкету – без судимостей. Мы работаем в тесном контакте с органами, недоумений быть не должно! Да, претендент должен отслужить в армии. В общем, это основное. Вы, Сергей Степанович, человек не случайный – за вас поручился Виталий, а он у нас на хорошем счету. Идите в двенадцатую комнату, заполняйте анкету, а потом ко мне.

Анкета меня позабавила: мне предлагалось ответить на такие, например, вопросы: «Имеется среди родственников крупных бизнесменов, предпринимателей или государственных служащих?», или: «Перенесенные заболевания, в том числе венерические?», или: «Сексуальная ориентация?», или: «Факт нахождения в плену во время боевых действий».

В общем, в кабинет Сергея Константиновича я вернулся в очень игривом расположении духа. Инспектор по кадрам просмотрел мою анкету, несколько раз что-то подчеркнул и в целом остался доволен:

– Сергей Степанович! Сейчас вы пойдете к Руслану Кимовичу. Постарайтесь отвечать на его вопросы точно и четко, он человек военный, полковник, десантник, не любит, когда перед ним мямли. Кстати, почему вы не бриты?

Я про себя чертыхнулся – из-за полученных еще в овраге ссадин и царапин бриться я не мог, а потом решил отпустить бороду, однако все задавали один и тот же вопрос: «А что это ты не брит?». Приходилось отвечать, так же, как и инспектору:

– Бороду отпускаю!

– Понятно... Ну что же, это не плохо, у нас много бородатых. Короче, идите, не пуха!

Кадровик нажал кнопку селектора и предупредил секретаршу.

Руслан Кимович несказанно поразил меня: во-первых, он выглядел так, как я себе представлял чукчу из анекдотов, только вместо малицы на нем была ладная «камуфляжка», и сидел он не в чуме, а в шикарном кабинете за огромным идеально чистым и пустым столом темного дерева. На стене позади стола висели, скрещиваясь, сломанная японская катана и заслуженная офицерская шашка царских времен. Во-вторых, на меня мой вероятный начальник даже не посмотрел, с порога начав сыпать вопросами:

– Имя?

– Воронцов Сергей Степанович.

– Звание?

– Сержант запаса.

– Войска?

– Саперные.

– Судимости?

– Нет.

– Женат?

– Холост.

– Спортом занимались?

– Первый разряд по гребле.

– Байдарка и каноэ, небось?

– Академическая.

Глава «Залпа» выскользнул из-за стола и оказался ростом мне по плечо. Он, улыбаясь, мягко подошел ко мне, здорово напоминая какого-то ладного, плотно сбитого хищника из семейства кошачьих, протянул узкую смуглую ладонь, похожую на дощечку:

– А ну, жми!

Я сжал.

– Сильнее!

Я напряг пальцы.

– Еще!

Я психанул и даванул со всей силы.

– Уй, в рот тебе нехорошо! – взвыл Руслан Кимович: – С такой хваткой мог бы и мастером спорта стать!

Он потряс кистью, вернулся за стол, опять улыбнулся:

– Пьешь?

– По праздникам.

– Это хорошо. Все мы не без греха. Главное – что?

Я пожал плечами.

– Меру знать! Человека убить сможешь?

Вопрос огорошил меня – кто же про такое спрашивает? Я опять пожал плечами:

– Наверное, нет. Смотря, как и когда...

И без того узкие глаза Руслана Кимовича превратились в черные щелки, а лицо прямо расплылось в улыбке:

– Молодец! Значит, сможешь, если надо будет! Ну все, иди. В течении трех дней тебе сообщат мое решение. Всего доброго!

Пораженный всем увиденным и услышанным, я вышел из офиса «Залпа» под нудный осенний дождик и пошел, огибая прохожих, к станции метро...

Витька караулил меня в подъезде, усевшись на подоконник на площадке и чадая «Примой».

– О, привет, Серега! Ты че, в натуре, запропал? Пацаны говорят: «Где Серега?», да «Где Серега?». А я им че скажу? Где, где – в избе! – Витька коротко хохотнул, спрыгнул с подоконника: – Ну че, буханем сёння?

Я покачал головой:

– Все, Витёк, отбухался я. Не могу.

Витька засуетился:

– Ты че, ты че, Серега! Заболел, что ли? Так мы это дело поправим! Ща, Колесник за пузырем сгоняет – и все, как рукой, снимет! В натуре тебе говорю!

Я улыбнулся:

– Нет, Витёк, здоровый я. Просто – дела.

– А-а-а! – разочарованно протянул сосед: – Ну, дела – дело святое! Тады все! Тока, Серега, ты не очень-то делаши – грохнут где-нибудь и ботинки склеишь! Или залетишь в ментуру, с твоим характером на зоне хреново будет!

Я успокоил Витьку, пообещав «сильно не делашить», и пошел домой.

Уже в прихожей, вешая ключи на гвоздик, мне на глаза опять попался мой брелок, и я понял, на кого похож Руслан Кимович – вот он, маленький, злобный самурайский бог! Только выглядела фигурка теперь совсем не устрашающе, вроде бы даже ободряя меня своей монголоидной ухмылкой. Ну что же, поживем, увидим!

Еще двое суток я практически не вылезал из квартиры, валялся на кровати, читал книжки, курил и ел – во мне вдруг проснулось странное желание готовить – нет, не варить магазинные пельмени или жарить яичницу, а готовить по-настоящему: отбивные, суп-харчо, мясо а-ля пармезан, бефстроганов, жульен. На счастье, в моей подкроватной библиотеке отыскалась старая, изрисованная десятком поколений детей «Книга о вкусной и здоровой пище», еще сталинское издание, и я основательно увлекся стряпней, истратив все деньги на продукты.

О Зое я старался не думать, ни каких чувств к ней после знакомства с ее булавочной коллекцией у меня не осталось, хотя где-то в самое глубине души что-то, видимо, дремучий инстинкт самца, постоянно подталкивало меня к телефону: «Позвони! Пригласи! А вдруг получится еще раз?» Думаю, позвони Зоя сама в такие минуты – я не нашел бы сил отказаться.

Но она, слава Богу, не звонила. Зато позвонил Виталик и обнадежил: «Сергей, считай себя уже принятым! Не знаю, что на шефа нашло, но он сказал, что ты – настоящий мужик!». Радостная новость! А я-то думал, что – баба!

Вообще, к перспективе работы в «Залпе» я относился довольно скептически – армейский дух, безусловно, присутствующий там, для меня имел только одну ассоциацию – с армейским дубизмом, а этого я хлебнул во время службы столько, что больше не хотелось. Но, с другой стороны, деньги! Форма! Два дня свободных! С пистолетом буду ходить (не знаю, почему, но этот момент меня сильно радовал)!

Утром третьего дня меня разбудил телефон, верещавший на табуретке у изголовья кровати. Хриплым спросоня голосом я буркнул: «Алло!», а в ответ услышал: «Завтра к десяти на медосмотр, инструктаж, и – вперед!». Ага, сбылась мечта идиота!

* * *

Инструктаж и медосмотр мы проходили вчетвером – четыре новичка, здоровые, взрослые дяди, враз превратившиеся во взрослое подобие пацанов-призывников. Только от военкоматовской медкомиссии нашу отличала поразительная дотошность – нас проверяли, как космонавтов.

Потом нас еще два часа мурыжили в кабинете двое бравых парней в униформе, неторопливо рассказывая о правах и обязанностях охранника.

Наконец, получив форму, удостоверения и дубинки, мы были распределены по объектам. Мне, как и предсказывал Виталик, досталась автостоянка почти в центре Москвы, недалеко от Маяковки. И началась работа...

Никогда не забуду мое первое занятие по физподготовке. У «Залпа» было несколько арендованных спортзалов, один даже с бассейном, и все охранники минимум два раза в неделю по несколько часов качали в них «железо», гоняли мяч, тренировались, оттачивая друг на друге разные приемчики.

Я попал в группу «начинающих», и первое занятие у нас проводил «сам» – глава «Залпа» Руслан Кимович.

Мы, человек десять, одетые кто во что, построились в гулком, огромном спортзале, а напротив нас прохаживался своей мягкой походкой хищника одетый в черное кимоно наш «играющий тренер».

– Что главное для охранника? – негромко, чуть улыбаясь уголками губ, спросил Руслан Кимович. Мы молчали, пожимая плечами.

– Главное для охранника – любым способом нейтрализовать нападающего, остановить, отбросить его! Кто-нибудь занимался единоборствами?

– Я! – подал голос молодой парень, здоровенный качок, подстриженный так, что его голова казалась квадратной.

– Самбо? – сощурил и без того узкие глаза наш тренер.

– Тхэквандо! – гордо пробасил парень.

– Да-а? Ну-ка, ну-ка, иди сюда! – Руслан Кимович, продолжая посмеиваться, вытащил «квадратноголового» на татами, отошел от него на пару шагов, махнул рукой:

– Нападай!

Дальше начался цирк. Огромный противник лупил ногами воздух, а Руслан Кимович, словно прогуливаясь, ходил перед ним, изредка пригибаясь, потом резко ткнул пальцами открытой ладони куда-то в бедро парню. Тот взвыл и рухнул на пол, ухватившись за ногу.

– Еще «специалисты» есть? – спокойно спросил нас даже не запыхавшийся наставник: – Нет? Замечательно, значит, больше ни кого переучивать не придется! Показываю первый прием!

И началась учеба! Хотя я и занимался спортом, но все эти самодеятельные «кияшные» секции не любил с детства, поэтому был удивлен тому, что нам предлагал начальник «Залпа».

Это не было каким-то конкретным видом единоборства, вернее, по сути своей, это было не единоборство.

Руслан Кимович учил нас, как можно остановить, отбросить от себя, обездвижить одного, двух, трех и больше противников.

– Никогда не бейте противника по лицу! Ну и что, что вы попали ему в глаз? Глаз не задница, промогается!

...Самые уязвимые места человеческого тела: горло, солнечное сплетение, пах, голени обеих ног!

...Удар наносится только прямо, любой боковой удар легко блокируется!

...Никогда не бейте ногами, если не умеете этого делать! Забудьте все виденные вами боевики – это кинотрюки, а не реальность!

...Не бывает запрещенных ударов или не честных приемов – вы не на ринге, вы на работе, вам можно все!

Руслан Кимович гонял нас до седьмого пота, собственноручно и собственнножно наставлял нас кучу синяков и шишек, но – удивительное дело, к концу первого часа тренировки я уже худо-бедно овладел кое-какими, очень простыми, но и очень эффективными приемами самообороны!

* * *

Неожиданно случайно возвращенная на моем лице растительность, за неделю превратившаяся в приличную черную бородку, украсила меня, скрыв далеко не мужественный подбородок. Теперь из зеркала на меня смотрел совершенно не знакомый мне тип, что-то среднее между испанским пиратом и шамильбасаевским боевиком. Мало того! Знакомые, коллеги по бывшей работе, не узнавали меня на улице! Даже наблюдательный Борис, с которым мы встречались по «очень важному поводу» у памятника Гоголю, два раза прошел мимо!

Кстати, о «важном поводе» – Борис сообщил, что у Паганеля день рождения, я тоже приглашен, надо сообразить что-то на счет подарка.

Признаться, я задумался. С одной стороны, я уже тысячу лет не был на нормальном, настоящем празднике, где много хорошо одетых гостей, столы ломятся от разнообразных блюд, и царит непринужденная обстановка. Я вроде бы как несколько одичал, и хотел расслабиться.

С другой стороны – Зоя. Я просто не представлял, как буду смотреть ей в глаза! Не то, что бы мне было стыдно, но как-то неприятно... Прямо задача про Бурдианову ослицу...

Все решилось само собой. В назначенный день я в первый раз выходил дежурить, и, хотя можно было поменяться сменами с кем-нибудь из ребят, я ухватился за этот повод и от дня рождения отказался. Не всегда полезно противиться Фортуне!

Осень мало-помалу катилась к своему закату. Уже подмерзли лужи по утрам, затеплились батареи, предвещая скорую зиму, а деревья сбросили последнюю листву, корявыми мокрыми силуэтами напоминая руки с растопыренными тонкими пальцами.

В эту осень было очень много рябины. Красные грозди усыпали ветви, и мой новый знакомый, рябой отставной капитан милиции из Солнцево, с которым мы вместе дежури́м на стоянке, вспомнил примету: «Много рябины – к холодной зиме!».

Жизнь моя, столь странна и причудливо изменившаяся, устаканилась, вошла в нормальную колею, приобрела размеренность и ясность.

Два раза в неделю я ездил на Маяковку, сидел сутки в теплой аккуратной будке на въезде на стоянку, изредка совершая обход территории. Мой напарник, тот самый рябой капитан, имевший необычное имя Альберт, мало вяжущееся с его чисто рязанской внешностью, был человеком тихим, непьющим и молчаливым. Ночи на стоянке, проведенные с ним, запомнились мне как самые спокойные за последние два месяца...

Немного сориентировавшись в сути своей новой работы, я порази́лся той нелогичности, на которой была основана работа охраняемой нами стоянки:

Владелец, пожилой толстый грек, нанял нас, охранников из «Залпа», для охраны машин, оставляемых владельцами, это было понятно. Но он, помимо «Залпа», платил еще и каким-

то бандитам, контролировавшим этот участок Садового, за право разместить свою стоянку на их территории. А еще он платил Правительству Москвы, причем за то же самое. И, наконец, он платил налоги.

По моим расчетам получалось, что сумма, с которой регулярно расставался хозяин, превышала все мыслимые доходы от содержания стоянки, либо он драл три шкуры с клиентов. Когда я полез с этими вопросами к начальнику отряда, в который входили мы с капитаном, то посмотрел на меня, как на умалишенного и посоветовал заниматься спортом, чтобы в голове не заводились дурные мысли...

Клиенты, ставившие свои автомобили на нашей стоянке, были, в основном, людьми искусства. Конечно, во всяких там художниках и писателях я не силен, но актеров и эстрадных более-менее знаю, и когда мне как-то пришлось помогать поменять колесо на желтом «Жигуленке» высокому худому мужичку в кожаной кепке и засаленной куртке, который при ближайшем рассмотрении оказался известным актером Энковским, моему удивлению не было предела.

Ребята из другой смены, старожилы, отпахавшие на стоянке почти год, удивили меня еще больше, рассказав, что у нас ставят машины такие известные люди, как Нишулин, Домкратов-Синий, Большиков, Тафт, Будулайнен, Габо, Ивицкая, Ячмененко, Юрнольник и шоумен Юсупович.

За семь лет жизни в столице я ни разу не встречал никого из отечественных «звезд», и поэтому несколько оробел, узнав о таком количестве клиентов-знаменитостей, с которыми я могу встретиться в любую минуту.

Помимо дежурств, раз в неделю я посещал теперь спортзал, где исправно дергал за ручки тренажеров и с наслаждением плескался в бассейне. После окончания испытательного срока к физподготовке должны были прибавиться огневая и психотренинг.

Под валом новых впечатлений события, связанные со смертью Николенеи и Леднева, стали потихоньку забываться, отходить на второй план, утратили свою, ну, актуальность, что ли... Забылось даже ощущение ужаса и беспомощности, треклятый амулет больше не мерещился мне ни на яву, ни во сне, лишь исправно крутилась над моей головой золотая Сварга, но это, как начал догадываться, уже навсегда...

Первая получка, пятьсот долларов, сподвигла меня на покупку телевизора, о котором я давно мечтал. Конечно, чудо телевизионной техники, вроде Паганелевой «Сони», я не потяну, а дешевенький корейский аппарат, с полуметровым по диагонали экраном, был мне вполне по средствам. Но странное дело: купив телевизор, я с удивлением обнаружил, насколько тупо и неинтересно наше отечественное телевидение. Реклама, бесконечные пошлые шоу «про жись», сериалы, голливудские фильмы-конструкторы... Спрос рождает предложение – со следующей получки я твердо решил купить видеомагнитофон, чтобы смотреть то, что мне нравится.

Так, в мелких делах и заботах, шло время. Витька больше не появлялся, Борис, позвонив как-то, снова пригласил в гости, но в выходные я работал, а в будни работал он, и встреча не сложилась.

Был обычный октябрьский день, понедельник. Я, как всегда, к трем дня приехал на стоянку, заполнил журнал, пересчитал машины, отметил количество свободных мест и сел читать книгу, дожидаясь напарника, который почему-то опаздывал, наверное, застряв в своем Солнцево.

Капитан приехал аж в седьмом часу. Был он бледен и почему-то здорово нервничал. Извинившись за опоздание, и как-то неприятно пряча глаза, капитан достал из сумки бутылку водки:

– Серега, у меня повод. Дочку замуж отдаю, давай выпьем сегодня, ближе к ночи? Событие все же...

Пить мне, честно говоря, не хотелось. Во-первых, я боялся снова надраться, во-вторых, на службе нам пить было строжайше запрещено, и, наконец, в третьих, я совершенно не хотел пить с рябым капитаном – ну о чем нам было с ним разговаривать? Но повод все же обязывал – свадьба дочери, святое дело, и после одиннадцатичасового телефонного рапорта мы сели, разложив закуску, капитан разлил водку и мы выпили по первой, за здоровье молодых.

Неприятное чувство неестественности возникло у меня где-то на третьем тосте – слишком уж моя доза превышала капитанову. Но, за анекдотами и всякими прибаутками, я не придал этому значения – мало ли, может человек хочет как следует угостить напарника!

Обычно ночью мы спали по очереди – три часа один, три часа другой. Но сегодня капитан, сославшись на опоздание, предложил мне поспать побольше – ему, мол, не спиться...

Мы допили водку, покурили, и в половине третьего я, сморившись, улегся на топчан, укрывшись бушлатом – на улице подморозило. Глухо шумели машины, проносясь по залитому оранжевым светом фонарей Садовому, бормотало что-то радио на подоконнике, капитан ушел делать обход, и я уснул, успокоенный теплом и водкой...

Проснулся я неожиданно – за окном будки разговаривали. Часы на стене показывали пятый час утра, но на улице было по ночному темно. Я приподнялся на локте и прислушался: говорили трое – один хрипел, другой матерился через слово, а третий... Третий голос принадлежал моему напарнику!

В голове моей еще шумел хмель, но когда я выглянул в окно, все как рукой сняло: капитан и с ним – двое мужиков, помятых братков не «качкового», а «уголовного» типа, тихо выталикивали со стоянки серебристый длинноносый «Континенталь», принадлежавший какому-то известному продюсеру. Меня словно обожгло – угон! Так вот для чего мы сегодня хлестали водку! Вот почему капитан поил меня, наливая в мой стакан вдвое больше!

Я вскочил с топчана, схватил со стола дубинку. Нет! Что толку от этого «демократизатора» против троих взрослых мужчин. Мой взгляд упал на стоящий в углу глушитель, который кто-то из клиентов попросил «покараулить» до субботы. Я ухватился за рыжую трубу – ого! Килограмм восемь! Я поудобнее устроил глушитель в руках, вспомнил кино «Бриллиантовая рука», где герой Папанова действовал точно таким же орудием, усмехнулся и пинком распахнул дверь.

Будь я потрезвее, я, возможно, и поостерегся бы в одиночку нападать на троих, наверняка вооруженных, угонщиков. Может быть, потихоньку позвонил бы в милицию, отсиделся в будке. Но водка застила глаза, и я, ощущая себя Ильей Муромцем и Арнольдом Шварцнеггером в одном лице, выскочил на невысокое крыльцо:

– Стоять!

Угонщики замерли. Капитан бросился ко мне, на ходу скороговоркой бормоча:

– Серега! Давай договоримся! Все нормально, это свои мужики, все в порядке! Я должен денег, много... Если я им помогу, они спишут долг... Они обещали... изнасиловать мою дочку! Серега! Будь человеком!

Я тупо смотрел на капитана, толстого, лысоватого, с бегающими глазками на щербатом широком лице. Что мне делать? Нужно было принимать решение, а какое решение я могу принять?

Но все решилось само собой. Один из мужиков, толкавших машину, коротко переговорив со своим товарищем, решительно двинулся ко мне:

– Ряба! Хренели ты с ним базаришь! – и мне: – Ну ты, козел! Хиляй в будку и сиди тихо, понял!? Будешь бакланить – пришью!

И в подтверждение своих слов ловко завертел ножом-бабочкой. Я взбесился и рванулся с крылечка навстречу, заноса глушитель для удара. Мне! При исполнении! Угрожать!

Капитан, который, как я и подозревал, был человеком робкого десятка, с ужасом в глазах шарахнулся в сторону. Угонщик с ножом явно не ожидал, что я не внемлю его грозному приказу, и растерянно затоптался:

– Ну че ты! Че ты!

Я спрыгнул на землю:

– А ну вали отсюда, гнус!

Второй отошел за «Континенталь», и, вытягивая тощую длинную шею, крикнул оттуда, отнимая от уха «мобилу»:

– Казан! Отваливаем! Шеф разрешил!

Не столько по смыслу, сколько по интонации, я понял, что и этот боится. В это время мой противник спрятал нож и торопливо пошел к калитке. Второй, длинношей, бегом устремился за ним. Торжествуя победу, я подбежал к воротам, и потрясая глушителем, заорал им вслед:

– Суки! Еще раз сунетесь, бошки посшибаю!

Угонщики быстро подбежали к серой «четверке», тихонько фырчащей в стороне, залезли внутрь. Машина, грязная, с напрочь заляпанными номерами, развернулась, за рулем я разглядел еще одного бандюгана – в кепке и с сигаретой в зубах. «Четверка» проехала в пяти метрах от ворот, опустилось стекло и лающий голос прокричал:

– Ты еще нам попадешься, сука! А тебе, Ряба, хана! Шеф проколов не любит!

Я, не помня себя от ярости, рванулся к машине, размахнулся на бегу и швырнул глушитель, целясь в лобовое стекло. «Четверка» завизжала колесами, шлифуя мокрый дымящийся асфальт. Кривая рыжая кишка глушителя врезалась в лобовуху, и одновременно грохнул выстрел! Второй! Третий!

С противным свистом где-то совсем рядом с моей головой пролетела пуля – я даже почувствовал движение воздуха на щеке. «Свиста той пули, которая тебя убьет, ты не услышишь!», – весьма «кстати» вспомнилась мне фраза из какого-то фильма про войну.

Я настолько растерялся, что не успел ни на что среагировать, застыв корявой камуфлированной статуей возле ворот. Машина выехала наконец на проезжую часть, грохнул еще один выстрел, блеснув пучком яркого пламени из окна, и «четверка» уехала в сторону Петровки.

Я оцепенело постоял еще с минуту, толком так и не поняв, в кого стреляли, почему я до сих пор жив, и что делать дальше. Потом на ватных негнущихся ногах дошел до валяющегося в куче мелкого битого стекла глушителя, подобрал его и медленно пошел назад, на стоянку. И первое, что я увидел, войдя в калитку – тело капитана, лежащее на боку, с неестественно заломленной рукой, по пальцам которой стекали капельки темной в свете фонарей крови...

Холодный ветер разогнал тучи, и в иссиня-черном проеме, окаймленном белыми рваными хлопьями, появилась огромная идеально круглая луна. Я наклонился на телом, перевернул его на спину, как при замедленной киносъемке, передо мной появилось окровавленное лицо с широко раскрытыми глазами. Две пули попали капитану в грудь, еще одна – в голову, раздробив переносицу. Кровь уже запеклась, с лица схлынули цвета, и теперь казалось, что оно вылеплено из воска и заляпано красной краской. Надо было что-то делать, я выпрямился, все так же медленно поднялся в будку, аккуратно поставил глушитель на то самое место, откуда взял его пять минут назад, набрал номер нашего диспетчерского пункта, и пока в трубке раздавались длинные гудки, бездумно посмотрел в окно, на плывущий меж облаков диск луны. И вдруг прямо в центре серебрянного лунного колеса на миг появился, хищно впившись в меня взглядом, знакомый бирюзовый глаз!..

Глава вторая

«Ехала кума неведомо куда».

Цыганская поговорка

В себя я пришел уже в милиции, куда меня увезли в наручниках, как «оперативно подозреваемого». После разговора с диспетчером все слилось для меня в кадры какого-то голливудского фильма: завывающая сиреной «Скорая помощь», милицейские «луноходы» с мигалками, ребята из резервной группы, поднятые с постели для того, чтобы сменить меня...

Два часа в грязном «обезьяннике» с вонючими бомжами, как две капли воды похожими на тех, которых мы с Борисом и Паганелем мутузили в овраге на Минке, выветрили из головы остатки хмеля, и к приезду моего непосредственного начальства, зама Руслана Кимовича, высоченного мрачноватого бывшего спецназовца со странной фамилией Дехтярь, я был зол, деятелен и готов ответить на все вопросы.

Допрашивал меня в присутствии Дехтяря аж целый полковник, усатый толстый брюнет, внешностью и акцентом напоминающий актера Баадура Цуладзе.

– Кто стрелял? Номэр машины? Сколко человек? – и так далее...

Слава Богу, нашлись свидетели, таксист и его поздний пассажир, которые видели, как было дело – меня основательно «кололи» на убийство, и если бы молоденький оперативник не привез очевидцев, не знаю, выкрутился бы я или нет.

Около восьми утра меня отпустили, и мы с Дехтярем поехали в офис, где меня уже ждал Руслан Кимович.

Тут прием был совсем другим. Я почувствовал себя если не национальным героем, то по крайней мере Стахановым, выходящим из забоя после рекордной добычи.

Руслан Кимович жал мне руку, говорил, что не ошибся во мне, объявил об окончании испытательного срока и пообещал перевести в старшие охранники.

– Сергей, сейчас ты поедешь домой. Недельку отдохни, оклемайся, а потом приходи – премию получишь, оружие получишь, новое назначение получишь. Стрелять умеешь?

Я пожал плечами:

– В армии на стрельбище...

– Ничего! Научим! Да, тут владелец спасенной тобой машины звонил, очень крутой человек, – хочет тебя отблагодарить. Я дал ему твой телефон, так что жди. Что ты кривишься? Бесплатно работают только рабы! И еще: ты в милиции сказал, что капитан подбивал тебя помочь им с угоном?

У меня отвисла челюсть от удивления:

– Откуда вы знаете?

Руслан Кимович усмехнулся, стрельнул черными глазками-щелочками:

– Мы тут навели кое-какие справки. Эти солнцевские... У него в семье династия: дед еще при Берии благовал по Колымским лагерям, отец прожил шестьдесят лет, из них тридцать семь сидел. И сынок... Из ментов его за взятки выперли, а мы не проверили вовремя, взяли. Вот так-то... Прав был товарищ Иосиф Виссарионович – кадры, они действительно решают все! Ну ладно, Сергей, все, иди. Моя машина тебя отвезет, я распорядился. Через неделю ждем!

* * *

И потекли дни нечаянного моего отпуска. Первые двое суток я отсыпался и отъедался. Лучшее средство снять стресс – вкусно и обильно поесть.

Меня постоянно тревожило, как там семья капитана – дочь за отца не ответчик! Наконец я не выдержал и позвонил в приемную шефа. Руслан Кимович был на месте, но, узнав, что меня интересует, зло выматерился в трубку:

– Этот шакал тебя на жалость брал! Нет у него ни жены, ни детей... И все, забудь об этом. Ты же мужик! Кончай нюнить, догуливай спокойно. Пока!

Честно говоря, на четвертый день «гульбы» я захотел на работу. Телевизор пресытил меня, Витькины предложения «забухать» откровенно достали, а больше и поговорить было не с кем, поэтому, когда под вечер неожиданно раздался звонок в дверь, я со всех ног кинулся открывать.

Предчувствие меня не обманули – нежданно-негаданно появился Борис с пивом и сушеными лещами. Мы уже почти две недели не виделись, поэтому даже обнялись, как старые друзья.

– Никак не привыкну к твоей бороде! – смущенно сказал Борис, разделявая огромного медночешуйчатого леща на кухонном столе. Я подмигнул искателю:

– Хорошо для конспирации! Теперь мама родная не узнает!

Мы наполнили стаканы пивом, свежим, чуть сладковатым, янтарно-прозрачным отечественным разливным напитком, которого предусмотрительный Борис купил аж две канистры.

– Пиво, Серега, хорошо, когда оно разливное и свежее! – вместо тоста провозгласил Борис, шумно отхлебнул чуть не полстакана и взялся за рыбу.

Я последовал его примеру. Некоторое время мы сосредоточенно хлюпали и чавкали, пока не утолили первый, «вкусовой», голод.

– Ну рассказывай, как живешь, чем занимаешься! – Борис обвел взглядом кухню: – Я гляжу, дела у тебя налаживаются?

Я кивнул и рассказал про свою работу, про ночной случай на стоянке, про смерть капитана...

– Да-а-а... – протянул Борис, выслушав меня: – Веселая у тебя пошла жизнь, ничего не скажешь! Слушай, а бросай ты к чертям собачим эту свою охрану! Я собственно приехал к тебе с предложением: мы тут с ребятами, ну, из «Поиска», поговорили, подумали и решили продолжить нашу работу. Без «стариков», без перекупщиков – сами все будем делать. Нас собралось человек семь, через недельку-другую, после ноябрьских праздников, собираемся махнуть на Алтай, там целый пещерный город в прошлом году обнаружили, так пока зима, хотим покопаться – что там и как. Про Шамбалу слышал?

Я кивнул, заинтересовываясь.

– Ну вот! Есть у нас предположение, что эта самая Шамбала там и была – что-то типа монастыря для святых да блаженных. Давай с нами! Нам люди во как нужны! А ты свой, проверенный! Соглашайся, Серега!

Я задумался. С одной стороны, Алтай, горы, снега, интересные люди и интересные открытия. С другой – работа в охране, чувство уверенности в себе и в завтрашнем дне...

И тут как накатило – я вдруг представил пещеру, освещенную мятущимся светом факелов, археологов, копающихся в земле, и, очень четко – знакомый кружок амулета на чьей-то испачканной землей ладони! Посыпались камни, песок, и свод пещеры рухнул, погребая под собой людей...

– Серега! Серый! Ты меня слышишь? – Борис тряс меня за руку, с тревогой всматриваясь в мое лицо. Я провел ладонью по глазам, словно стирая видение, через силу улыбнулся искателю:

– Нет, Борь, ты уж извини, я с вами не поеду! Хватит с меня всякой чертовщины, амулетов этих... Ну его, не для меня это все...

– Жаль... – покачал головой Борис: – Я, честно говоря, надеялся, что ты согласишься... Ладно, мальчик ты взрослый, уговаривать не буду... Хотя мог бы с нами хорошие деньги заработать!

Я решительно замотал головой, нет, мол, и не соблазняй! Борис развел руками, мол, дело хозяйское!

Мы налили еще пива, не сговариваясь, закурили... Все-таки хорошо, когда есть с кем вот так просто посидеть за канистрочкой пивка, подымить, помолчать...

– Серега, я у тебя одну вещь хочу спросить. – прервал наше молчание Борис: – С тех пор, как мы Судакова этого ловили, тебе сны дурацкие не сняться?

– В смысле – дурацкие? – я внутренне сжался, почувствовав, о чем он хочет спросить.

– Ну, не то что бы дурацкие, и не совсем сны... Понимаешь, у меня теперь что-то изменилось в жизни. Все время все на нервах, все валиться, все наперекосяк, как будь-то под руку меня кто-то толкает. И как какая-нибудь гадость произойдет – мне мерещится... – Борис наклонился над столом, приблизил ко мне лицо и закончил: – ... Мне мерещится... амулет!

Я внимательно посмотрел в глаза искателя, тревожные и грустные, отхлебнул пива и вместо ответа спросил:

– Люди могут сойти с ума вместе?

Борис пожал плечами:

– Наверное... А почему ты спрашиваешь?

– Потому и спрашиваю, что я тоже...

– Что – тоже?!

– Тоже вижу этот хренов амулет! Ты правильно сказал – как дело дрянь – он тут как тут, смотрит, словно смеется...

Борис достал из кармана носовой платок, вытер вспотевший лоб и признался, не глядя мне в глаза:

– Я уж и у психолога был. Толковый мужик, неверующий, крупный спец по маниям, так он меня выслушал и сказал: «Патологии нет, но как врач советую сходить в церковь – иногда в качестве самовнушения помогает...!» Понял? Может сходим?

Я усмехнулся:

– Борь, мне церковь не поможет. Ну не верю я, что доска с нарисованной на ней рожей решит проблемы, которые не может решить человеческий разум!

Борис насупился:

– Тьфу ты! Я ведь тоже в Бога не верю! Но так замордовал меня этот глаз – хоть в петлю лезь... Кстати, что интересно, Паганелю он не грезиться!

– Ну правильно, он же его так и не видел!

Борис посмотрел в окно:

– Как вспомню, что тут творилось тогда, той ночью, когда убили Алексея Алексеевича...

Я попытался перевести разговор на другую тему:

– Слушай, вот вы собрались эту... Шамбалу раскапывать. А если Слепцов узнает?

– Ну, во-первых, еще не известно, Шамбала там или нет. А во-вторых, кто тебе сказал, что мы что-то будем там копать и тем более продавать? Просто поедем отдохнуть, в горы, типа – туристы...

– Но ты же знаешь – тайное всегда становится явным...

Борис замахал рукой:

– Да брось ты! Вот, к примеру – мы в 95-ом библиотекой Ивана Грозного занимались...

– Да ну?! – удивился я: – И как, нашли?

Борис усмехнулся:

– По-моему, ее вообще не существует... Ну, не суть. Факт – мы ее искали, копались в архивах, и Валерка Доценко отрыл где-то план подземелий Кремля, где были обозначены

тоннели, выходящие в Москва-реку из-под Боровицкого холма, на котором Кремль стоит. Ну, ты сам понимаешь – нырять возле сосредоточия государственной власти с аквалангом – нас бы захомутали в момент. Так Профессор съездил в Южный порт, договорился с работягами, и за два ящика водки они пригнали земснаряд – такую здоровенную баржу с землечерпалкой. Мы неделю с нее ныряли, даже в жестких скафандрах погружались, знаешь, с медными шлемами, во такими! И хоть бы кто слово сказал!

– Что, серьезно? И ни КГБ, ни кремлевская охрана ничего не заподозрили?

– Да я тебе больше скажу: мы нашли те затопленные ходы и по ним доходили до подземелий под Арсенальной башней! И ни кто не заподозрил! Бардак же! Эти пижоны, власть, мать ее, тока щеки надувать умеют, что тогда, что сейчас. А ты говоришь – становиться явным!

Я покачал головой – да-а! Вот уж не подумал бы, что аккуратные интеллектуалы из «Поиска» способны на такие авантюры! Воистину – в тихом омуте...

Мы еще потрепались с Борисом, обсудили политику – «...опять Чубайс лажанулся», спорт – «...у нас опустили хоккей до уровня футбола», музыку – «...лицо нашей России в мире теперь – группа „Тату“, прикинь» – благодаря телевизору я теперь был в курсе современной жизни. Борис рассказал про Профессора – старик оправился от травмы, но с головой у него все еще было плохо – память так и не вернулась, и врачи сказали, что наукой он больше никогда заниматься не сможет...

Пиво имеет одну коварную особенность – в какой-то момент количество переходит в качество. А поскольку количество у нас с Борисом было более чем, часам к восьми вечера и случился этот самый переход.

Короче говоря, нас потянуло на подвиги. Борис, вытаращив глаза, авторитетно заявил:

– Се... Ик!..рега! Н-надо совместить приятное с полезным!

– Чего? – не понял я.

– Е-е-едем в Александровский сад! Т-там, где Неглинку наружу выпустили, лазерное шоу сегодня, говор-рят – кр-расота! И поглядим, и пров-ветримся!

И мы поехали...

Естественно, дорогой еще что-то пили, ели где-то у метро жирные польские сосиски, но случилось все из-за проблемы, которая всегда возникает после восьми литров выпитого пива, и которую Борис сформулировал иносказательно: «Водичка дырочку найдет!» Она-то и завела нас на какие-то задворки в глубине Страстного бульвара.

Только мы пристроились к стеночке в грязной темной подворотне, как со стороны бульвара появился патрульный «Уазик», сразу поймавший наши силуэты а-ля статуя «Писающий мальчик» в луч фары-искателя. Хрюкнул мегафон-матюгальник, и железный голос разнесся окрест: «Граждане, за нарушение общественного порядка... К машине... Не сопротивляться...».

– Атас! – закричал Борис и сиганул в темноту двора. Я побежал за ним, на ходу пытаюсь застегнуть ширинку. Бело-синий «Уазик» с гербом Москвы на дверце влетел вслед за нами в подворотню, проскочил ее и взвизгнул тормозами перед кучей строительного хлама посреди двора.

Борис, бегущий впереди меня, нырнул в оконный проём каких-то руин без крыши, стоявших в самой глубине, я повторил его маневр и оказался внутри старого, почти полностью разрушенного здания.

– Все, Серега! Сидим тихо – тут они нас не найдут!

Я кивнул, сообразил, что в темноте не видно, и шепотом сказал:

– Может попробуем выйти с другой стороны, дворами?

– Давай погодим маленько...

– Чего «годить», сматываться надо!

– Да-а! А как же это... – Борис сделал в темноте какой-то жест и вжикнул «молнией» на брюках: – Ты что, от страха уже?

Зажурчала струйка.

– Дурак! – я встал у останков стены, и последовал примеру искателя.

Выбирались мы долго. «Уазик» упрямо торчал посреди двора, освещая фарами окрестности, менты стояли рядом с машиной, курили и тихо переговаривались.

– Уверены, гады, что нам деваться некуда! Что за страна у нас, твою мать! Пиво продают, а сортиры не строят – чтобы менты без дела не сидели, что ли? – Борис ворчал себе по нос, перебираясь следом за мной на железную ржавую крышу сарая позади приютивших нас развалин.

Мы осторожно, стараясь не шуметь, буквально на четвереньках пробрались к краю крыши и прыгнули на притулившийся к сараю деревянный стол, уже в соседнем дворе. Вокруг нас в кромешной тьме возвышались старинные, еще дореволюционной постройки, дома. Светились кое-где окна, и узкий переулочек выводил налево, по-моему, на Петровский бульвар.

Кое-как отряхнувшись, мы отправились туда, как вдруг из темноты возникла низкая широкая фигура и дребезжащий старческий голос загнул:

– Ой, ребятки, родненькие, не дайте бабушке пропасть, помогите, чем сможете, с утра маковой росинки во рту не было!

Мы с Борисом шарахнулись было от этого, возникшего из ниоткуда создания, но быстро опомнились, Борис выругался и зло рявкнул:

– Пошла ты! Шляешься тут, людей пугаешь, карга старая!

Я как-то никогда не мог вот так, просто ни за что послать незнакомого человека, и хотя сроду не подавал всем обращающимся «за помощью», заколебался и полез в карман, нашаривая смятые купюры.

Бабуся сразу уловила, что ей тут может обломиться, и заканючила еще жалобнее:

– Ой, сыночек! Богородица-заступница за тебя заступиться! Архангел тебя огородит, Христос спасет, не забудет!

Я наугад вынул несколько бумажек, сунул старухе, она жадно схватила деньги, рассмотрела, пробормотала что-то типа: «Красненькая, синенькая, желтенькая – хватит на беленькую...», вдруг ухватила меня за руку:

– Сынок, господь тебя не забудет, что не дал бабушке пропасть! А дай, я тебе погадаю!

И решительно потащила меня к свету, пробивавшемуся со стороны бульвара. Мы оставились посреди переулочка, недалеко в нетерпении топтался Борис:

– Серега! Кончай эту лабудень! Пошли отсюда!

Бабка вгляделась в мою ладонь, забормотала цыганистой скороговоркой:

– Яхонтовый мой, вижу я, жизнь твою простую, не грустную, не веселую, беды тебя стороной обходят, радость в дом твой тоже не заходит! Злой человек глаз на тебя положил, на шее сидит, к сердцу подбирается! Ждет тебя, голубчик, дорога дальняя, холодная, тревожная, заведет она тебя от смертной тоски до гробовой доски! Ночка темная беду твою возьмет, по капельке выпьет, по глоточку высосет, будешь ты, как ребеночек – головой чист, ручками неумел... Домой воротишься – от жизни отворишься! В дороге останешься – от жизни отстанешь! До конца дойдешь – себя не найдешь!

– Да что ты слушаешь всякую ахинею! – взорвался Борис, подбежал к нам, вырвал мою руку из сухих старушечьих ладоней: – Старая! Тебе помогли – все, иди, отдыхай! Серега! Все, поехали!

Бабуля, кивая и кланяясь, медленно пятилась в глубину переулочка, а у меня в ушах все стоял ее голосок: «Ждет тебя дорога дальняя, холодная, тревожная... Домой воротишься – от жизни отворишься! До конца дойдешь – себя не найдешь!»... И стало мне вдруг тоскливо-тоскливо, как призывнику в ночь перед отправкой в армию.

Пока я размышлял, вяло отбивался от злого Бориса и пытался вернуться к старухе, она пропала! Я даже пробежался по кишкообразному темному переулку – слиняла! Наплела мне всякой билеберды, а у меня, олуха, уже все приборы минус показали! Прав был Борис – действительно карга!

Мы вернулись ко мне почти в полночь, посидели еще с часок и завалились спать – нас здорово развезло «от усталости»...

Утром помятый, отекий Борис еще раз предложил мне ехать с ними на Алтай. Я наотрез отказался, уже предвкушая послезавтрашний свой выход на работу, и погрузившийся Борис уехал, забрав пустые канистры... Я после его отъезда завалился спать и продрых до часу дня – хорошо, когда после бурного выпивона можно всласть выспаться!

* * *

Как и обещал Руслан Кимович, премию мне выдали, и весьма приличную, между прочим! В тот же день мы, пятеро повышенных до старшего охранника сотрудников «Залпа», получали оружие. Начальник отдела спецсредств, которого все по-армейски называли «зампоруж», невысокий, чрезвычайно мягкий в общении человек в очках, сидел за столом и скучным голосом объяснял, чего мы должны и не должны делать, имея при себе огнестрельное оружие. Потом он достал из сейфа железный тяжелый ящик, открыл его и начал по списку, в алфавитном порядке, вызывать нас к столу, вручать пистолеты Макарова, запасные обоймы и документы на право ношения.

Обычно, и в школе, и в армии, я находился в самом начале списка – буква «В» третья по счету, и если уж чего-то распределяли по алфавиту, мне всегда хватало. Но тут ситуация получилась просто анекдотическая: четверо моих камуфлированных коллег имели фамилии, по порядку: Арефьев, Ананьев, Бутиковский и Ваулин! Поэтому, когда дошла очередь до меня, «запоруж» развел руками:

– Извините, Сергей Степанович, «ПээМов» больше нет. Вы получите...

«Неужели „Стечкин“!» – обрадовано заволновался я! Об этом пистолете, двадцатизарядном чудовище, состоящем на вооружении у спецподразделений, я много слышал, и в тайне очень хотел иметь именно его...

– ...Револьвер системы «Наган», так называемого офицерского образца, с самовзводом! – закончил «зампоруж»: – Не огорчайтесь, машинка старая, но надежная! Спуск туговат, но вы со временем привыкните!

Под смешки ребят я взял со стола наган, запасной барабан и новенькое, запаянное в пластик удостоверение. Тьфу ты, черт! У всех людей пистолеты как пистолеты, а мне достался комиссарский револьвер, снятый с вооружения полвека назад! Надо же, невезуха!

Ваулин, здоровенный молодой парень, недавно отслуживший в армии, кажется, в морской пехоте, ободряюще похлопал меня по плечу:

– Не хмурься, Серега! Зато гильзы собирать не придется!

Мы расписались в ведомости и вслед за «запоружем» пошли в тир – учиться стрелять.

– Первое, что вы должны усвоить, стреляя из пистолета: не прицелился – не попал! Всякие ковбои, лупящие друг в друга с бедра – голливудский вымысел! Если вы стреляете в противника с десяти шагов и ствол пистолета отклоняется от цели на два миллиметра, пуля уйдет в сторону на два метра! Давайте, на огневой рубеж! Правая нога впереди, левая стоит боком, вот так вот! Если присесть на левую ногу, ее колено должно лечь точно под пятку правой!

Мы прилежно приседали, стараясь выполнить указания «зампоружа», а он, усмехаясь, прохаживался сзади:

– Теперь поднимаем правую руку на уровень глаз, стараясь, чтобы ствол пистолета был параллельно полу. Левый глаз закрывать не обязательно – сужается обзор, а помощи никакой! Не надо наклонять голову к плечу! Арефьев, я вам говорю, стойте свободно! Мушку держите под обрез, чтобы кружок мишени лежал на ней, как яблочко на блюде! Фильм «Ковбой Мальборо и Харлей Девидсон» все видели? Повторяю озвученный там принцип стрельбы: курок – это не член, его не надо гладить, дергать или дрочить! Просто нажмите на него! Внимание! Огонь!

Я чуть надавил на гладкую поверхность спускового крючка, сухо щелкнул поворачивающийся барабан, миг, и грохнул выстрел! Одновременно со мной раздался слитный грохот «ПМ» слева и справа.

И в тот момент, когда пуля устремила к мишени, в какие-то тысячные доли секунды я почувствовал, что попал.

Такое бывало у меня в детстве: помню, я, первоклассник, поссорившись со своим лучшим другом, Максимом, по дороге из школы, шарю в карманах, набитых всякой мальчишеской ерундой, и в пальцы мне попадает здоровая тяжелая гайка, подобранная где-то на улице. Кривляющийся мой друг улетывает со всех ног, крича всякие оскорбительные дразнилки в мой адрес, я взвешиваю гайку на ладони и что есть дури кидаю ее вслед обидчику. И в тот момент, когда железяка срывается с пальцев, я вдруг понимаю, что она попадет точно в затылок Максиму. Я начинаю истошно орать, желая предупредить друга, он удивленно оборачивается и гайка попадет ему аккурат в лоб! Он потом неделю дулся и ходил с синей сливообразной шишкой на лбу. Ох, и влетело мне тогда от его мамы!..

«Зампоруж» тем временем переходил от стрелка к стрелку, в подзорные трубы разглядывая мишени:

– Арефьев, неплохо, четыре! Ваулин, молоко! Бутиковский, очень хорошо, восемь! Аняев, двоечка... Воронцов... Ух ты! Десятка! И как вцепил! Прямо в серединку! А ну, повторим! Целься! Огонь!

Я прицелился и попытался вызвать откуда-то из глубины сознания то же ощущение попадания. Выстрел! И я снова попал, практически всадив пулю в пулю!

Теперь «зампоруж» перестал ходить за нашими спинами, а встал рядом со мной, и уже не отходил, блестя восхищенными глазами:

– Ну надо же! Нет, вы правда никогда не стреляли из пистолета или револьвера? Поразительно! У вас, Воронцов, талант!

Мы стреляли довольно долго, в клочья излохматив мишени. В тире кисло пахло порохом и висел пластами синеватый дым. Наконец наш инструктор объявил, что на сегодня достаточно, и включил вентиляцию.

Я вышел на улицу, с гордостью ощущая тяжелой солидной тело нагана во внутреннем кармане. Вообще-то брать оружие с собой строго запрещалось – нам должны были выдавать его перед дежурством и забирать после. Но «запоруж» отправил нас покупать кобуры, и выдал пистолеты без патронов, дабы мы могли примерить их.

Кобуру я себе купил что надо – темно-коричневую, толстой свиной кожи, снабженную специальными ремнями, чтобы можно было носить револьвер подмышкой. Наган ложился в кобуру, как влитой, а специальный ремешок, застегивающийся поверх собачки, не давал ему выпасть при наклонах. Круто, черт побери!

Вооруженный, я ощутил себя принадлежащим к какому-то особому кругу, касте... Касте кшатриев, во-во, именно так! Каста воинов в Древней Индии, суровые бойцы, меч и щит брахманов – все, что я помнил про этих кшатриев из истории.

Дома я заглянул в старый потрепанный энциклопедический словарь еще советского издания, и прочел: «кшатрии (санскрит. Кшатрия, от кшатра – власть), одна из двух высших *варн* в Др. Индии». М-дя, негусто. А ну-ка, глянем, что такое эта самая варна... Та-ак: «варны (сан-

скрит., букв. – цвет, качество), 4 осн. Сословия в Др. Индии...» Ччер-рт! Ну хорошо, не поленюсь, погляжу и эту самую «Др. Индию». Ну-ка, ну-ка... Ага: «Индия (на яз. Хинди – Бхарат), Республика Индия, гос-во в Юго-Восточной Азии...» Не то! Дальше, история... Вот: «*Хараппская цивилизация* (долина реки Инд; 2-я пол. 3-ого тыс. – 1-ая пол. 2-ого тыс. до н. э.) ...» Тьфу ты, опять не то! Дальше про Гупов, Великих Моголов и английское владычество. Где ж узнать про кшатриев? Индия, санскрит... Что-то я такое видел где-то...

Я сунулся в диван и после пятиминутных поисков нарыл потрепанную книжечку в мягкой обложки, причем без оной. Называлась сие издание 1991 года, как гласила предпоследняя страничка с выходными данными: «Санскрит-Самскрит – древний язык ведических славян».

Полистав книжку, я вскоре наткнулся на строки: «...отважные воины-кшатрии возглавляли эти племенные союзы, а мудрецы-брахманы были их мозгом. Арии лавиной обрушились на государства в долине реки Инд и вскоре покорили их, принеся свой язык – санскрит, свою религию – поклонение огню, и свое общественно-социальное устройство – варны, иногда ошибочно называемые кастами...»

Опять арии. Я выпрямился, отшвырнул книжку и задумался: «Что ж это такое получается, а? Как будто ведет меня кто-то, все время подталкивает к этой теме. Кшатрии, варны, арии, могила жреца на берегу Тобола, амулет... Неужели не все? Неужели, бляха-муха, это все еще будет иметь продолжение? Я потерял друга, сам едва не погиб, видел смерть хорошего человека и страдания другого, не менее хорошего... Впрочем, есть, конечно, и другая сторона – я познакомился с интересными людьми, участвовал в захватывающих событиях, переспал... да чего там, трахнул симпатичную телку, на работу вот устроился, все у меня в лучшем виде, я перешел в новую варну, стал кшатрием! Да ёклмнэ, пусть все идет, как идет! Арии – так арии!»

Я решительно встал, и пнув толстенный словарь, пошел на кухню курить. В вышине, я твердо знал это, уже привычно крутилась золотая Сварга, и плевать хотел на все эти амулеты-мамулеты, «мистеров Рыб» и сокровища давно умерших жрецов. «Жрец» – так мы в армии обжор называли! Ха-ха!

Развеселившись, я поставил чайник, включил телевизор, и неприятные ощущения, возникшие было у меня после чтения, рассосались, как сигаретный дым на ветру...

Вернувшись под вечер в тир, мы похвастались друг перед другом покупками, постреляли, сдали оружие и я уже было собрался домой, как меня в дверях окликнул дежурный:

– Воронцов кто? Ты? Тебе звонили из главного офиса, завтра к десяти ты должен быть у Гречкина!

– Зачем? – удивился я.

– Откуда я знаю! – пожал двухметровыми плечами дежурный: – Сходишь – скажут!

Я, задумавшись, вышел на улицу. Гречкина я не знал, но слышал от ребят, что он возглавляет отдел сопровождения, к которому я вроде бы никакого отношения не имел – там работали охранники со стажем, молчаливые, основательные дядьки, мотающиеся в командировки по всей стране...

* * *

Гречкин принял меня ровно в десять. Сухим, будничным тоном он заявил мне, что я, Воронцов Сергей Степанович, старший охранник, послезавтра отправляюсь в командировку на автомобиле «Камаз» с водителем и экспедитором фирмы-заказчика, несу ответственность за груз и машину во время следования оной до места назначения и обратно, в Москву.

«А ведь не соврала бабка!», – молнией обожгла меня мысль: «Как она сказала: „Ждет тебя дорога дальняя, холодная, тревожная...“, и что-то там про еще про смертную тоску и гробовую доску... Вот и не верь в гадания после этого!».

Гречкин между тем продолжал:

Командировочное удостоверение ждет меня в отделе кадров, затем мне надлежит получить в кассе под роспись деньги на расходы и ехать на автобазу «Залпа» в Бибирево, проверить машину. Фамилия водителя, с которым я поеду – Пеклеванный, марка машины, номер машины, экспедитора мы должны забрать послезавтра в девять утра с перекрестка улиц Ленина и Гончарова в городе Ряжске Рязанской области, его фамилия – Смирнов. Все. Получите оружие и пройдете инструктаж завтра. Как говориться, кругом, шагом марш!

Я, несколько ошалелый от скупой выданной Гречкиным информации, вышел из кабинета и отправился в отдел кадров за командировкой... Если бы я знал тогда, чем все это кончиться!

В общем-то, все было не так уж и плохо: я ехал на «Камазе» с железной будкой, по-военному называемой кунгом, командировочное удостоверение мне выдали на десять дней, путь наш лежал за Урал, в какой-то Куртамыш, про который водитель Пеклеванный, рыжий длиннотылицый парняга, отысканный мною в одном из длинных гаражей залповской автобазы спящим после обеда на столе в бытовке, высказался пространно: «Я там был. Дыра дыры дырее!». Правда, оказалось, что туда мы поедем порожняком, и я удивился – зачем же тогда охранник, то есть я? Но оказалось, что так захотели в фирме-заказчике. Из Куртамыша в Москву нам предстояло везти какую-то сельскохозяйственную продукцию. Пеклеванный, представившийся мне коротко: «Санек!», прикинул что-то в рыжей своей голове и сказал, что машину он за завтра подготовит, а выезжать надо ни как не позже трех ночи, чтобы к девяти успеть в Ряжск, а к полуночи проскочить Самару и заночевать на том берегу Волги. Потом он спросил:

– Ты «на дальняки» ездил когда-нибудь?

Я отрицательно помотал головой.

– Тады так! Шмоток много не бери, жратвы тоже – теперь на трассе это не проблема! Возьми шерстяные носки, две, а лучше – три пары. Штаны теплые под низ, свитер, одеяло. Что еще? О! Чашки-ложки, карты и гондоны! Теперь все!

– Санек, а зачем?

– Чего – зачем?

– Ну, гондоны зачем?

– Так ить разное в дороге бывает... – уклончиво усмехнулся водитель и повел меня показывать машину.

Я был уверен, что это окажется обычный, тысячу раз виденный мною грузовой «Камаз», но передо мною в полумраке гаража высился на рубчатых колесах чудо-агрегат, вездеходный вариант «Камаза» с кунгом вместо кузова, по армейской моде покрашенный в цвет хаки.

– Во! – радостно махнул рукой Санек: – Машина – зверь! Со спальником, заметь! Сами приспособили! Если в этом Куртамыше не застрянем (тьфу-тьфу-тьфу!), думаю, за пять суток обернемся!

– Вот тебе на! А у меня командировка на десять!

Пеклеванный снисходительно посмотрел на меня, как на неразумное дитя, и со вздохом ответил:

– Раньше приедем – лишние дни дома отдохнешь!

Глава третья

*«Зима! Крестьянин, торжествуя,
Ведет коня за кончик... носа!»*

Явно не Пушкин

Вечером я долго не мог уснуть. Валялся в кровати, смотрел на тени, скачущие по свежекупленным занавескам, прислушивался то к гомону соседей за бетонной стеной, то к далекому шуму машин, проезжавших по улице, то к самому себе, своим мыслям и мечтам, возникающим в голове вроде бы и ни откуда, однако в строгой закономерности и связи с последними событиями...

Сказать по правде, я мандражировал. Нет, конечно, за мою жизнь мне пришлось ни мало поездить по стране, повидать всякое, но было это раньше, до того... Последние пять-шесть лет я из Москвы толком никуда не выбирался, если не считать нескольких поездок домой, на малую родину, в комфортабельном купе скорого поезда, да еще и вдвоем с незабвенной моей супружницей Екатериной Васильевной.

Естественно, ехать через полстраны в кабине грузовика, переживать опасности и лишения, встречаться с рэкетом, бандитами, недобро настроенным местным населением – орден не орден, но медаль за подобный подвиг выдавать можно вполне! Я почему-то был убежден, что буквально сразу же за МКАДом начнутся такие невероятные приключения, перед которыми померкнут все американские боевики, и это распаляло мое воображение. А поскольку я с детства и до сих пор, до тридцати почти трех лет дожив, так и не утратил любви к мечтаньям, уснул я в ту ночь уже под утро – и если бы хотя бы одна из придуманных мною за ночь немыслимых историй на тему: «Моя послезавтрашняя командировка» была записана и издана, Тополь, Незнанский и Головачев в одном флаконе застрелились бы от бессилия составить мне конкуренцию! Кажется, это была последняя моя мысль перед тем, как меня все же сморило...

Всю первую половину следующего дня я метался по офису, злой и не выспавшийся, оформляя разные бумажки, получая деньги, инструкции и ценные указания... К трем часам я утомился и решил перекусить – оружие получать велено было прийти после четырех, а других дел на сегодня больше не осталось.

Я выскочил из офиса, перебежал улицу под носом у лавины рванувшихся с перекрестка машин, свернул в переулок, перешагивая лужи, прошел по нему до конца, вышел на Садовое и нырнул под низкую притолоку маленького уютного кафе, обнаруженного мною недавно. Здесь хорошо, вкусно и недорого кормили, и подавали великолепнозаваренный чай – кофе я и так не особо жаловал, а после известных событий («Я в душ, а ты свари кофе!») вообще перестал переносить.

Темная, мореного дуба, дверь захлопнулась за мной, и я оказался на ступеньках, ведущих вниз, в полуподвальное помещение, довольно большой зал со стойкой и десятком толстоногих, нарочито грубых дубовых столов и таких же стульев вокруг. Стены кафе, отделанные под дикий камень, были увешаны имитацией старинного оружия, доспехов и утвари. Называлось кафе как-то странно, каким-то совершенно не произносимым по-русски немецким словом типа «Гриммельсгаузенус», но в остальном меня вполне устраивало. Я сбегал по ступенькам вниз, и не обращая внимания на десяток сидевших за столиками посетителей устремился к стойке, уже приготовив в уме заказ: «Две баварские колбаски с горчицей, горшочек тушеных

грибов с картофелем и чай!», как вдруг боковое зрение засекло что-то поразительно знакомое... Я обернулся.

Ба! Паганель! Вот уж кого не ожидал тут встретить! Археолог не видел меня, он, возвышаясь под самый потолок, провожал к дверям невысокого худощавого человека, что-то оживленно ему объяснявшего. Судя по оставшемуся у столика знакомому мне желтому саквояжу, Паганель собирался туда вернуться.

Я получил свой заказ и отправился к освободившемуся за Паганелевским столиком месту. Мой худощавый предшественник особо не намусорил, на темной поверхности стола сиротливо стоял пустой чайный стакан и валялась салфетка, изрисованная синим маркером – какие-то водоросли, пирамиды, птицы... А это что такое?! Я буквально похолодел, увидев изображенный в углу знакомый кружок. Сомнений быть не могло: тот же глаз в обрамлении бегущих человечков, подвешенный на вычурную, тонкую цепочку. Николенькин амулет! Рисунок сделал мастер, немного небрежно, второпях, но очень точно, с четкой прорисовкой мелких деталей, – несомненно, этот человек видел амулет, держал его в руках, и не один раз!

«Что же это получается?», – подумал я, автоматически разглядывая рисунок на салфетке: «Паганель встречается с неким человеком, и кто-то из них рисует на салфетке амулет, хотя кроме Профессора, нас с Борисом, покойного Николеньки и его убийцы Судакова ни кто амулет в глаза не видел! Это не Профессор, не Борис... Выходит, Паганель разговаривал с Судаковым?!».

Я обернулся к двери, но было поздно – археолог уже проводил своего товарища и возвращался к столику.

– Здравствуйте, Максим Кузьмич! – я решил действовать напрямик: – С кем это вы беседовали? Договаривались о цене?

Паганель с удивлением воззрился на меня:

– Э-э-э? Простите, молодой человек, не имею чести... Господи, Сергей! Вас с бородой и не узнать! Импозантно выглядите, голубчик! А что вы у меня спросили?...

Я несколько растерялся – непохоже было, что я поймал Паганеля с поличным. Я молча выложил на стол салфетку, ткнул в изображение амулета. Паганель сощурился и посмотрел на меня:

– И вы, Сережа, решили, что я вступил в сговор с Судаковым?!

Я молча кивнул, сжимая кулаки. Паганель на секунду нахмурился, потом неожиданно рассмеялся, похлопал меня по плечу, уселся напротив, крикнул куда-то в недра боковой двери: «Андрюша, нам два пива!», и обратился ко мне:

– Амулет действительно не давал мне покоя все это время. Я перелопатил гору литературы, проконсультировался с несколькими крупными специалистами, и в результате выяснилось, что наш амулет принадлежит к изделиям древнеарийской цивилизации, около пяти тысяч лет назад захватившей Индостан. Никто не знает толком, кто они и откуда пришли, есть только смутные предположения...

Если вы помните, Судаков в свое время интересовался ариями, кстати, ими интересовались и теоретики германского фашизма!

Человек, с которым я сегодня встречался, вы его видели, некто Берг, оккультист, эзотерик, историк, рассказал мне, что амулеты, подобные нашему, предположительно носили жрецы одного древнего народа огнепоклонников, служители так называемого Бога Смерти, и глаз в середине олицетворял недреманное око этого зловещего бога. Берг нарисовал амулет, изображение которого ему встречалось в древнеиранских рукописях, и судя по тому, что вы его опознали, Профессору, Николеньке и Борису удалось найти упокоище некоего арийского жреца, первое в мире, заметьте! Весной, как сойдет снег, обязательно организуем туда экспедицию!

– Максим Кузьмич! А вы не боитесь, что до весны кто-нибудь уже пошарит там?

– Нет, Сережа, навряд ли! Судя по рассказам Бориса, место там глухое, ни дорог, ни поселков. Потом, сейчас там уже лежит снег – Сибирь! Да и копать, судя по всему, там теперь не мало – после обвала половина того самого коридора, ведущего к могильной камере, завалена, это уж точно, а то и весь коридор обрушился. Нет, до весны ни кто туда не полезет...

– А Судаков? – я отхлебнул пива из высокого стакана, принесенного каким-то парнишкой с чисто халдейским, слащаво-незапоминающимся лицом.

– Да, Судаков действительно мог бы и зимой отправиться раскапывать курган! – кивнул головой Паганель, тоже глотнул пива, и продолжил: – Но по данным Слепцова, Судаков бежал из России в Грузию, его засекли было на границе с Азербайджаном, но он умело использовал какие-то местные межклановые дрязги и ушел, скорее всего в Турцию, а оттуда – куда-нибудь дальше, скажем, в ЮАР.

– Почему в ЮАР? – удивился я.

– У него года два назад была крупная сделка с одним южноафриканским коллекционером. Слепцов считает, что старые связи наверняка остались – не может такой хитрый и циничный человек, как Судаков, не подготовить себе пути к отступлению!

Я кивнул, соглашаясь. Конечно, мне далеко не все было понятно, например, я не был уверен, что майор ФСБ будет вот так вот, запросто раскрывать оперативную информацию, ничего не имея с Паганеля взамен... Ну да Бог с ними!..

Паганель между тем выпил почти весь поуллитровый стакан, поразив меня такой любовью к пиву, раньше мною не замеченную, раскурил трубку и спросил:

– Ну а вы-то как, Сережа? Борис говорил мне, что вы устроились на работу, в секьюрите, если не ошибаюсь?

Я снова кивнул, коротко рассказал Паганелю о случае на автостоянке, хотел сообщить, что уезжаю в командировку, но что-то меня удержало – как будто я побоялся глаза...

– Ну надо же! – покачал головой Паганель: – Мне всегда казалось, что все эти убийства, угоны, покушения – это что-то из другой, ненастоящей жизни, а тут такое – и Николенька, и Алексей, и у вас вот этот капитан... Вы берегите себя, Сережа, работа у вас, конечно, мужская, суровая, но уж очень опасная! Да-а! Я совсем забыл! Зоя рассказала мне про этот инцидент у дверей моей квартиры. Большое вам спасибо за заступничество! Зоя, кстати, интересовалась, почему вы совсем пропали, не заходите, не звоните?

«Ну все, пора сматывать удочки!», – подумал я, вежливо сослался на ужасную нехватку времени, как бы невзначай глянул на часы и встал, собираясь уходить.

Паганель посмотрел на меня поверх очков каким-то тяжелым взглядом, потом улыбнулся, пригласил заходить в гости, не пропадать... Мы пожали руки, и я уже почти ушел, как вдруг в спину прозвучало:

– Сережа! Э-э-э, любезный друг! Будьте добры, оставьте мне салфеточку с рисунком!

Я обернулся, машинально вытянул из кармана куртки смятую белую тряпочку, которую я осторожно «заныкал» во время нашего разговора, протянул Паганелю.

Он улыбнулся:

– Спасибо! Я бы с удовольствием вам ее подарил, но там записано несколько телефонов, уж извините!

Я, улыбаясь, мямлил что-то в ответ, мы еще раз церемонно расшаркались, и я наконец выскочил на улицу.

Только на подходе к своему офису я понял, что так тревожит меня, словно царапая изнутри – на салфетке не было ни одного телефона! Я рассмотрел ее довольно хорошо, пока Паганель провожал своего визави – рисунки, только рисунки покрывали белую хлопчатобумажную поверхность!

* * *

– Смотрите, Воронцов! Оружие выдается вам, как писали раньше в инструкциях: «... Для подачи звуковых сигналов, защиты от диких зверей и охраны секретных документов!» Я конечно шучу, но в любой шутке лишь доля шутки! – «зампоруж» встал, отпер сейф и выдал мне мой наган: – Держите! Если потеряете – лучше сразу идите в милицию с заявлением, здесь можете даже не появляться! Упаси вас Бог применить его против человека! Только в случае реальной угрозы для жизни, да и то – как в армии, на посту: «Стой, кто идет?», предупредительный выстрел в воздух, прицельный – только по ногам! И имейте в виду – вы должны отчитаться по каждой стреляной гильзе! Да, еще вот что – если вы все же случайно или намеренно застрелите кого-нибудь – вас наверняка посадят.

Я, устав слушать этот бред, швырнул наган на стол:

– Так на хрена вы мне его вообще даете?! Заберите, запирайте вон в сейф, и пусть там лежит!

«Зампоруж» устало покачал головой:

– Тихо, тихо! Экий вы, Воронцов, горячий! Я вам сказал, что вы отчитаетесь по каждой стреляной гильзе! Но ни кто же не заставляет вас привозить стреляные гильзы в барабане! И помните золотое правило древних спартанцев: «Не пойман – не вор!»

Он сунул руку в стол, пошарил где-то в ящике и высыпал рядом с наганом горсть патронов:

– Берите! Не надо все воспринимать уж очень буквально! Я забыл вас предупредить – все мои наставления необходимо исполнять в случае контакта с органами правопорядка! А так... Не забывайте чистить оружие, особенно ствол – там все должно сверкать! До свидания!

Я собрал со стола патроны, сунул наган в кобуру, попрощался и вышел в коридор. Чертеж! Сперва напугают, а потом патроны суют... Провокаторы!

* * *

В половине седьмого я добрался до дома, позвонил Пеклеванному и мы с ним договорились, что без десяти три ночи я выйду на перекресток, где он меня и подберет.

Времени оставалось еще уйма, я сгонял в магазин, купил тушенки, сухарей, хлеба, полпалки копченой колбасы, сигарет и завернул в соседний магазинчик – за водкой. Мне почему-то думалось, что отправляться в далекий путь без бутылки не осмотрительно – мало ли что!

На пестрящей всякой всячиной витрине мое внимание привлекли упаковки презервативов с вислогрудыми обнаженными красавицами на этикетках. Я вспомнил слова Пеклкванного: «...Всякое бывает!», внутренне рассмеялся и купил пару упаковок – действительно, мало ли что!

Дома, поужинав вчера приготовленными котлетами, я включил телевизор – показывали какой-то тупой американский боевик, и занялся укладкой дорожной сумки.

В дверь позвонили. Я открыл, ожидая увидеть Витьку – что-то он запропал в последние дни. Но на пороге стоял какой-то прилизанный пацан лет пятнадцати, в красной курточке с золотыми пуговицами и дурацкой шапочке с кокардой.

– Это квартира номер 86? – спросил он тоненьким голосом, сличая что-то в записной книжке.

– Да! А тебе кого? – удивленно спросил я, оглядывая паренька – таких «пажей» я видел только в кино про американских миллионеров, они там носят пиццу и любовные записки.

– У меня послание и пакет Воронцову Сергею Степановичу! – ужасно важным тоном ответил «паж», и добавил: – Это вы? Тогда позвольте войти!

Я впустил это чудо в квартиру, предъявил паспорт, и получил в замен конверт и небольшой сверток, запечатанный на манер военного пакета пятью сургучными печатями.

Парнишка заставил меня расписаться в ведомости, попрощался и ушел, а я уселся рассматривать полученное.

В конверте оказалось отпечатанное на лазерном принтере письмо, в котором мне выражалась огромная благодарность за проявленные мужество и героизм во время исполнения профессионального долга на стоянке, выражались всяческие опасения по поводу моей обиды на скромность подарка, и стояла замысловатая подпись, по-моему, тоже напечатанная принтером.

«Ага!», – подумал я, несколько обалдев: «Подарок, стало быть, за сургучными печатями!».

Разломав сургуч, я начал потрошить обертки, исписанные вкривь и вкось разными иностранными словами. Наконец мне на колени выпала плоская длинная коробочка. Я открыл крючочек сбоку и обалдел в буквальном смысле этого слова – на темно-синем бархате сверкали золотом великолепные часы, «Роллекс», судя по надписи! И лежала маленькая записочка: «С благодарностью и симпатией – Генеральный Продюсер Константин Э.».

«Да уж! Вот она, поговорка в действии – никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь!», – подумал я, примеряя «Роллекс» на руку. Как тут и были!

Неожиданно зазвонил телефон. Когда знаешь, что звонить тебе в общем-то и не кому, звонок телефона подсознательно всегда воспринимается как что-то тревожное. Я снял трубку:

– Да!

В трубке помолчали, потом голос моей бывшей жены осторожно произнес:

– Воронцов, это ты?

– Конечно я, а кто еще может быть? – довольно невежливо ответил я, удивляясь, что от меня понадобилось Катерине – расставались мы со скандалом, поругавшись после развода в пух и перья.

– Откуда я знаю, может ты себе любовника завел? – чуть насмешливо проворковала Катя, и не дав мне времени опомниться от такой наглости, зачастила: – Как ты поживаешь? Наслаждаешься заслуженной свободой? На работу-то устроился, или так, альфонсируешь?

– Слушай, ты! Что, скучно стало? – я почувствовал знакомое подергивание левого века: – Что тебе вообще от меня понадобилось? Ты что-то забыла?

– Не кричи, Воронцов! – чуть устало сказала Катя, закашлялась, и продолжила: – Я тебе вот что хочу сказать: у нас недели три, ну или месяц назад дверь взломали, по квартире пошарили. Мы на даче ночевали, последнюю ночь в этом году – огород к зиме готовили, и не успели на электричку... Утром приезжаем – а там все вверх дном. Так, толком ничего не взяли, деньги – долларов семьсот, кольца-серьги... И почему-то забрали альбом с фотографиями – там и мои, и твои еще оставались... Я решила предупредить тебя – мало ли что!

«Ах ты черт!», – подумал я: «Вот откуда у Судакова была моя фотография!» Вслух я спросил:

– М-м-м... А когда это было?

Катерина помолчала, вспоминая, потом ответила – именно в ту ночь мы ночевали у Паганеля. Я на всякий случай спросил еще:

– Катя, тебе такая фамилия, как Судаков, не знакома?

Она помедлила и твердо ответила:

– Нет, Воронцов! Точно нет! Впервые слышу, а что?

– Да так, ничего... – я все ни как не мог взять в толк, с чего бы это Катерина, которая поклялась после развода удушить меня при первой же встрече, вдруг сама позвонила предупредить меня о возможных неприятностях!

– Воронцов! Что молчишь? Расскажи хоть, как живешь?

– Нормально живу, работаю в охранной фирме, завтра уезжаю в командировку...

– Рада за тебя... У вас тепло дали? У нас тут такой холод... – чуть хрипло проговорила она и снова закашлялась.

Я почему-то с каким-то неизвестным мне до этого чувством тоски представил ее – в вязаной кофте поверх халата, ноги в шерстяных носках обуты в стоптанные тапочки, она стоит в прихожей, опершись локтями на тумбочку, и придерживая трубку плечом, прячет озябшие пальцы в рукава кофты. Катя всегда мерзла, по-моему, даже в бане она стала бы вот так же прятать пальцы...

– Воронцов. Ты чего молчишь?

– Тебя слушаю... – тупо пробормотал я, сам себе боясь признаться в том, что я жутко соскучился по Катерине.

В трубке послышался какой-то шум.

– Мать пришла! Все, Воронцов, поговорили! Давай, пока! Приедешь – звони, я теперь днем обычно дома... – и Катя повесила трубку.

Я оставил недосложеную сумку, пошел на кухню, налил себе чаю, закурил и, следя за плывущими голубоватыми волокнами дыма, задумался...

То, что моя бывшая жена позвонила мне, в общем-то не удивляло – я вообще был уверен, что после развода она будет звонить постоянно, донимая меня всякими мерзостями. Но она позвонила предупредить меня! Да еще и свою ненаглядную мамулечку, мамусика, мамочку, которая меня иначе как «беспорточной лимитой» и не величала, назвала по-пролетарски просто – мать! Нет, кому-то конечно не понять, что такого странного в этом простом русском слове «мать», но в потомственно-московской семье моей бывшей жены, где все, включая престарелую облезлую ливретку с бантиком на хвосте, с патологической обостренностью следили за ма-асковской «правильностью» родного, великого и могучего языка, слово «мать» означало только одно – Катерина очень сильно разозлилась на мою бывшую тещу.

Я медленно, затяжка за затяжкой, погружался в пучину воспоминаний...

Вот мы с Катериной в первый раз идем к ней домой. Хорошо помню то чувство неловкости, которое охватило меня, провинциала, когда я сказал по поводу помещения варенья в вазочку: «Спасибо, хватит!», а в ответ услышал: «Сережа! Что за люмпенский жаргон! Есть же прекрасное русское слово – достаточно!»

А вот посещение выставки Сальвадора Дали в ЦДХ на Крымской – охи и ахи Катерины и ее подруг, сдержанные реплики их вальяжных столичных кавалеров, и мой издевательских смех, когда выяснилось, что все выставленные картины оказались подделкой, фальшивкой, закинутой в нашу страну какими-то заморскими делягами!

Или вот – красные «Жигули» Катиного шефа у подъезда, я, замерзший за два часа ожидания, глупые вопрос: «Где ты была?!», не менее глупый ответ: «Мы репетировали народные танцы, у нас через неделю годовщина фирмы, будет концерт. А потом Владимир Петрович любезно согласился меня подвезти!». И дальше – безобразный скандал дома, когда Катерина выдала: «Я не крепостная крестьянка, не твоя рабыня или вещь! Я имею право на свою личную жизнь! А ревновать – глупо и не интеллигентно! Мы живем на рубеже тысячелетий, а это время свободной морали!» Помню, с каким наслаждением я взял из старинного серванта здоровенную – киллограммов на двадцать – хрустальную урну из Катериного приданного и ахнул ее о стену! Помню свои слова: «Да! Ты не крепостная, и не рабыня! Среди них в основном были приличные женщины, а ты – шлюха, которая собственную похоть прикрывает подслушанными где-то демагогическими рассуждениями!»...

Тогда-то впервые и прозвучало ставшее потом реальностью колючее слово «развод». Ни когда не забуду неприкрытую радость в глазах «горячо любимой» тещи – наконец-то ее дочурочка избавилась от «лимиты»!

Воспоминания то распяляли меня, то приводили в меланхолическое настроение, а то и выдавливали скупую мужскую слезу, особенно когда я вызывал из памяти картины нашего

досвадебного романа – огромные багряно-красные и охряно-желтые пальчатые кленовые листья на черном мокром асфальте, Катя, прыгающая на одной ножке, как девчонка, по бордюру, легкая челка, пронзительно-острый и манкий взгляд ее необыкновенных огромных, карих, с какой-то милой крапинкой, глаз...

Тьфу, расчувствовался! Я резко оборвал себя – хватит распускать нюни! Уже десятый час, а еще вещи не собраны!

Я уложил сумку, еще раз покурил, стараясь избавиться от тревожного чувства сиротливости – один в пустой квартире, ни кто не проводит, ни кто и не встретит! Пора было ложиться спать – когда еще удастся поспать на простынях, под одеялом, на ближайшую неделю моей постелью станет седло боевого коня-«Камаза»!

Надо было поставить будильник в телевизоре – других часов, кроме наручных, у меня дома не было. Я долго колдовал над кнопками пульта, выставляя текущее время, время подъема, резервное – через пять минут, если не сработает первое. В общем, когда я все выставил, как положено, сна у меня не было ни в одном глазу. И тут кто-то постучал в дверь...

Я насторожился – во-первых, кого это черти несут в двенадцатом часу ночи? А во-вторых, кнопка звонка у меня была в белом пластмассовом корпусе, и не заметить ее даже в темноте очень трудно, поэтому обычно все приходящие звонят.

Подкравшись на цыпочках к двери, я осторожно прислушался. Вроде тихо! Разом возникли все недавние страхи – Судаков с отравленной острой, жуткие таинственные события, связанные с амулетом. И тут в дверь постучали снова!

– Кто там? – как можно более грозным голосом спросил я. Тишина! И вдруг что-то заскребло по поверхности двери с той стороны!

Я бросился к встроенному шкафу, где у меня хранились инструменты, схватил тяжелый разводной ключ, и рывкнул:

– Кто там балуется?! Я сейчас милицию вызову!

Опять тихо! Я постоял с ключом на изготовку минут пять, постепенно успокоился, и тут вспомнил про наган! Тьфу, охранник, мать твою! Перепугался шорохов за дверью! Швырнув ключ на полку, я вынул из висящей на вешалке кобуры револьвер, взвел курок и распахнул дверь.

Естественно, в подъезде никого не было – я почему-то уверился в этом сразу, как вспомнил про оружие. Но на коричневой поверхности двери висела приколотая кнопкой бумажка – половинка тетрадного листка.

Я аккуратно отколол кнопку, запер дверь, убрал наган обратно в кобуру, прошел на кухню и прочитал записку, а вернее – короткое стихотворение, написанное красивыми печатными буквами:

Свилюю выписаны знаки колдовского откровения.

Падалью сгниет в овраге жаждавший благословения.

И все! Ни подписи, как говорить, ни печати... Я еще раз перечитал стихотворение – ерунда какая-то! Какие знаки, какой свилюю, кто гниет в овраге? Может, это мне угрожают – мол, знаки выписаны свилюю, тебе не по зубам, а будешь жаждать некоего «благословения» – станешь гниющей падалью в овраге?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.